

Российская академия наук
Институт восточных рукописей (Азиатский Музей)

ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЙ МИР: ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

Материалы международной научной конференции,
посвященной 90-летию со дня рождения
С.Г. Кляшторного

Москва
Наука–Восточная литература
2019

С.А. ВАСЮТИН*

Антропологический поворот в отечественном кочевниковедении (памяти С.Г. Кляшторного)

С конца 1960-х годов в работах отечественных специалистов по социальной истории кочевников все отчетливее набирали силу ревизионистские идеи, появились новые подходы к характеристике кочевых социумов, развивались связи с зарубежными исследователями. На этом фоне в ряде работ кочевниковедов наметился синтез истории и антропологии. Среди идей отечественных исследователей в 1970-х — первой половине 1980-х г. наиболее антропологической по своему характеру была концепция «мужа-воина» С.Г. Кляшторного, представленная в ряде публикаций 1982–1986 гг. В ее основу была положена трактовка понятия тюркских надписей «er» — «муж-воин». Данный концепт, согласно мнению С.Г. Кляшторного, символизировал героическое начало в кочевом мире: героика войны, слава, удача. Идеи С.Г. Кляшторного стали отправной точкой исследований в историко-антропологическом духе многих российских кочевниковедов.

Ключевые слова: Кляшторный С.Г., кочевники Центральной Азии, историческая антропология, концепция «мужа-воина».

DOI: 10.25882/z3z4-y898

Введение

Вторая половина 1960 — середина 1980-х годов знаменовалась существенной трансформацией советской исторической науки. Наряду с многочисленными исследованиями, выполненными в духе господствовавшей в СССР пятичленной формационной концепции, появились работы ревизионистского характера, ставшие плодом творче-

* Сергей Александрович ВАСЮТИН — доктор исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и социально-политических наук Кемеровского государственного университета (Кемерово); vasutin2012@list.ru

ского развития марксизма и влияния зарубежных исторических школ. К рубежу 1960–1970-х годов атмосфера научного творчества изменилась: развивались связи с зарубежными учеными, велись дискуссии на международных конференциях, конгрессах и форумах, стали сравнительно доступны зарубежные публикации, появилась переводная литература. Очевидно, что господствовавшее в западной исторической науке методологическое разнообразие (неомарксизм, неозволюционизм, структурализм, цивилизационный, мир-системный, историко-антропологический, микроисторический и другие подходы) давали советским историкам обширное поле для размышлений, поиска свежих идей, новых сюжетов, пересмотра прежних трактовок, выбора оригинальных исследовательских стратегий, апробации немарксистской терминологии. В целом круг ученых, в чьих трудах непосредственно нашли отражение указанные новации, был сравнительно небольшим, и представляли они преимущественно наименее догматизированные отрасли исторической науки: археологию, антропологию (этнографию), медиэвистику, востоковедение и кочевниковедение.

Для кочевниковедческих изысканий в СССР особенно важными были неозволюционистские теории «вождества» и «раннего государства», цивилизационная концепция, историческая антропология и новые теории социогенеза, влияние которых все же было достаточно опосредовано, но создавало необходимый научный фон для ревизии «советского варианта» марксизма. Наиболее значимой разработкой для оценки социальных отношений у кочевников стали концепции доклассовых и раннеклассовых обществ (Л.Н. Гумилев, Г.Е. Марков, А.М. Хазанов, В.М. Массон, А.Д. Грач, А.И. Тереножкин, А.И. Мартынов и др.). Среди специалистов в области истории кочевников была популярна и теория «дофеодальных обществ» А.И. Неусыхина. Применительно к социальным оценкам кочевников, концепция раннеклассового общества отражала убеждения части советских кочевниковедов и археологов, изучавших памятники евразийских скотоводов, в том, что сословно-классовое общество даже потенциально не могло возникнуть у кочевников, а кочевничество представляло собой особую линию социогенеза. Так, Геннадий Евгеньевич Марков в докторской диссертации «Кочевники Азии (хозяйственная и общественная структура скотоводческих народов Азии в эпохи возникновения, расцвета и заката кочевничества)» (1967) отверг возможность применения к кочевым обществам феодальной парадигмы и высказал мнение о том, что кочевникам «свойственен самостоятельный способ производства», а в общественно-политической организации кочевников разных эпох не было принци-

пиальных различий. Он обосновывал свои взгляды концепцией циклической динамики социально-политических изменений, выразившейся в переходе общественной организации кочевников из «общинно-кочевого» в «военно-кочевое» состояние и обратно [Марков, 2007: 7, 28–30].

Анатолий Михайлович Хазанов в монографии «Социальная история скифов» (1975) пришел к выводу о том, что «общество скифов» демонстрирует большое «сходство» с кочевыми социумами древности, средневековья и нового времени, причем подразумевались «их принципиальная однотипность» и «сходство многих конкретных форм социальной организации и общественных институтов». Общий уровень социального развития кочевников он обозначил как «раннеклассовый». Главное отличие номадов от других раннеклассовых социумов, по его мнению, заключалось в «пороге» классовости, который не могли преодолеть кочевники [Хазанов, 1975: 200, 252, 265–267, 271]. Концепция А.М. Хазанова в общих чертах была доработана и изложена в монографии «Кочевники и внешний мир» (1984). Наряду с раннеклассовой теорией в отношении степных этносов было апробировано неозволюционистское понятие *chifdom* (А.М. Хазанов, А.И. Першиц).

Выдающийся кочевниковед Нурбулат Эдигеевич Масанов в социальном развитии кочевников видел противоборство двух тенденций: 1) «относительной концентрации» (потребность в военно-политических объединениях для защиты, набегов, решения других вопросов внешней политики, общих норм судопроизводства, регулирования процесса кочевания и т.д.); 2) «дисперсности» (вынужденное рассеивание скота из-за ограниченности ресурсов пастбищ). В контексте этих тенденций исследователь рассматривал кочевой социум как иерархию самостоятельно функционирующих и взаимодействующих между собой разноразноуровневых структур: «биосоциальной» (семья, аил), «социальной» (род, племя) и «государственно-административной» (политарные союзы, империи). Специфичные условия аридной зоны, по мнению Н.Э. Масанова, определяли приоритет «биосоциальных» («низовых») структур над «государственно-административными» [Масанов, 1984: 95; 1986: 21–24].

Наряду с изысканиями в области новых трактовок социальной эволюции кочевников с 1960-х годов стали появляться научные труды, в которых в отношении некоторых сюжетов осуществлялись попытки синтеза истории и антропологии. В археологических работах набирал популярность семантический анализ, который апеллировал к традиции и духовным установкам (по сути, речь шла о ментальных представлениях, повседневных традициях, символизме мышления, что находило непосредственное отражение в материальной культуре, наскальных

рисунках, изваяниях и текстах кочевников). Примером могут служить работы Якова Абрамовича Шера. Хорошо известна антропологическая трактовка этим исследователем сосудов на каменных изваяниях как пиршественных чаш для поминального праздника. В реконструкции Я.А. Шера в этом пире наряду с родственниками участвует покойный, в честь которого высечено каменное изваяние [Шер, 1966: 58].

В антропологическом духе А.М. Хазановым в монографии «Кочевники и внешний мир» были проанализированы социальные и политические связи в разных кочевых обществах. Начиная с семьи и заканчивая системой взаимодействия на высших уровнях социально-политической организации, он прослеживал разные типы связей между родственниками и в окружении правителя, их трансформацию в разных аридных регионах. Одним из первых он рассмотрел применительно к кочевникам Евразии такие понятия, как харизма и сакральность [Khazanov, 1984: 128–133, 167–169 ff.].

Таким образом, в период с конца 1960-х по середину 1980-х годов в отечественной исторической науке началась трансформация подходов к социальной истории номадов. Необходимо учесть, что к 1960–1970-м годам в отношении кочевников возможности формационной концепции были во многом исчерпаны, а накопленные к тому времени исследовательские материалы и наблюдения нередко противоречили устоявшимся догмам. Ревизия марксистской концепции, попытки ее творческого переосмысления, апробация терминологии и научных доктрин зарубежных школ привели к тому, что формационная схема практически перестала быть единственной верной объяснительной моделью социогенеза евразийских скотоводов.

Вклад Сергея Григорьевича Кляшторного

На фоне ревизионистских веяний оригинальный взгляд на социальную историю номадов Центральной Азии VI–XI вв. предложил Сергей Григорьевич Кляшторный. До начала 1980-х годов он редко обращался к социальной истории кочевников, а в период с 1982 по 1986 г. написал целую серию статей по проблемам общественной структуры в кочевых обществах Центральной Азии, предложив новый взгляд на характер социальных отношений и положение половозрастных групп у тюркоязычных кочевников средневековой эпохи [Кляшторный, 1983; 1984; 1985; 1986а; 1986б].

Большую роль в формировании нового подхода сыграло осмысление рунических текстов тюрков и уйгуров. В течение нескольких десятилетий С.Г. Кляшторный вел полевые эпиграфические исследова-

ния в Монголии и Южной Сибири, переводил, изучал и публиковал надписи. Это позволило исследователю детально изучить социальную терминологию, нашедшую отражение в рунических текстах, проникнуться теми общественными мотивами, которыми руководствовались герои этих письменных памятников.

В целом, при реконструкции социальной структуры крупных политических образований кочевников в Центральной Азии второй половины I тыс. н.э. С.Г. Кляшторный формально руководствовался сословно-классовой концепцией, выделяя такие сословия, как беги (*türk begler*) — кочевую аристократию — и простой народ (*igil qara bodun*). Также исследователь указывал на «двухступенчатые» общественные противоречия («оппозиции»): 1) между каганом («группировка правящих родов») и бегами; 2) между бегами и простым народом. В то же время, говоря о разном социальном положении и интересах в раннесредневековых кочевых обществах, С.Г. Кляшторный отмечал, что «оппозиции не стали в архаичных государствах древнетюркской эпохи зрелыми классовыми противоречиями», относил бегов и простой народ к единой «общине» («весь целиком тюркский народ»), а родоплеменная организация (*bodun*) и политическая организация (*el*, эль) «взаимно дополняли друг друга, определяя плотность и прочность социальных связей» [Кляшторный, 1982: 92–93; 1983: 30–31; 1984: 145–146; 1985: 287–288; 1986а: 219; 1986б: 320]. Классовому восприятию кочевых социумов противоречила следующая оценка: «Положение аристократии и знатных родов основывалось как на праве руководства племенем и общиной, так и на обязанности заботиться о благосостоянии соплеменников» [Кляшторный, 1986а: 221; 1986б: 323]. Не случайно, по мнению автора, «требование единства и сплоченности бегов и народа в их покорности трону» в рунических текстах «означало принятие такой политической структуры, при которой... богатство, добываемое путем внеэкономического принуждения и войной, принадлежали бы аристократии по крови, выделявшей остальной общине установленную традицией долю добычи и дани» [Кляшторный, 1983: 31].

Главной новаторской идеей С.Г. Кляшторного, отвергавшей даже потенциальную возможность признания классовых противоречий в тюркском и уйгурском обществах, стала концепция «мужа-воина». «Мужей-воинов» он считал основанием общины и видел в них всех мужчин, совершивших в юношестве «подвиг» (охотничий или воинский подвиг, инициация) и получивших «мужское» героическое имя (*er aty*). «Эр» олицетворял социальное и правовое единство в кочевых государствах. Как писал С.Г. Кляшторный, «в применении одного

термина для обозначения любого члена общины, высшего или низшего, декларировалось хотя бы и фиктивное социальное и правовое равенство всех взрослых мужчин племени» [Кляшторный, 1982: 93]. Реальное место «эра» определялось его титулом, саном и положением структурной единицы (племя, род, семья), в которую он входил [Кляшторный, 1984: 148; 1985: 288; 1986а: 221–222; 1986б: 323–324].

Характеристика социальных позиций «мужа-воина» была только одной стороной концепции. Еще более значительный шаг был сделан С.Г. Кляшторным в попытке раскрыть представления и ценности той среды, которое формировало содружество «мужей-воинов». И в этих интерпретациях отчетливо прослеживается историко-антропологическое начало. В своей трактовке «мужа-воина» исследователь показывает героическое начало духовной культуры кочевников (вернее, их ментальные установки, но термин «менталитет» он не употреблял). В частности, в тюркских надписях и тюркском эпосе С.Г. Кляшторный смог вычленить комплекс представлений о подвигах «мужа-воина» («героя-воина»), после которых он со «славой» возвращается в дом, о престижности военной деятельности, героике войны. «Слава» и «удача» были непременными атрибутами «мужа-воина», определявшими его статус: «настоящий муж-воин оружием добывал свое богатство» [Кляшторный, 1982: 94; 1984: 148–150; 1986а: 222–223; 1986б: 324–326]. В дальнейшем концептуальные оценки социальных отношений у кочевников Центральной Азии VI–IX вв. и роли в кочевом социуме «мужей-воинов» стали неотъемлемыми элементами наиболее значимых работ С.Г. Кляшторного [см., например: Кляшторный, 2003: 472–476; Кляшторный, Савинов, 2005: 153–155; Кляшторный, Султанов, 2009: 187–190].

Еще один историко-антропологический сюжет, связанный с образом правителя, его сакральностью и ролью в системе политических и социальных связей тюркских каганатов, в публикациях 1982–1986 гг. был только намечен. С.Г. Кляшторный указывал, что каган «держал» эль и возглавлял бодун, а его функции включали гражданскую власть внутри собственного племенного союза «по праву старшего в генеалогической иерархии родов и племен», власть военного предводителя «всего государства» и роль верховного жреца. Каган, как считал исследователь, «олицетворял единство общины», его главная забота — поддержание единства общины [Кляшторный, 1982: 93; 1986а: 219; 1986б: 320–321]. В последующие годы приверженность С.Г. Кляшторного антропологическим методикам нашла отражение в его анализе образов каганов. По его мнению, власть кагана являлась проявлением божественной воли. Более того, в эпоху Тюркского каганата воз-

никает «политизированный общеимперский культ каганской четы», «рожденной на Небе и поставленной Небом, культ кагана и катун... ставших земной ипостасью четы небесной — Тенгри и Умай, покровительствующей династии». С этим автор связывал и возникновение храмов, посвященных выдающимся каганам, и проведение с участием правящих каганов ежегодных ритуальных процедур и жертвоприношений [Кляшторный, 2003: 496; Кляшторный, Савинов, 2005: 172]. Однако при этом в памятниках тюркской письменности он фиксирует наличие двух контрастных, противопоставляемых образов каганов. Идеальный правитель, как правило, характеризуется как мудрый и смелый (таковы, например, оценки Бумыня, Истеми, Ильтериша). Контрхарактеристика включает отрицательные эпитеты — «неразумный», «трусливый» [Кляшторный, 2003: 244–245; 2004: 102–103].

Выводы

Подводя итоги, следует отметить, что С.Г. Кляшторный внес важный вклад не только в конкретно-историческое изучение кочевых обществ Центральной Азии, но и в методiku анализа социально-политических структур номадных империй. Его характеристика «мужа-воина» четко вписана в макросоциологическую оценку кочевых социумов. Разработка С.Г. Кляшторным концепции «мужа-воина», которая была призвана передать сходство социальных и военных ролей взрослого мужского населения в кочевых обществах Центральной Азии VI–IX вв. и близость их ментальных представлений, была редкой для советской номадистики попыткой на конкретном материале показать, что общественная дифференциация в средневековых кочевых социумах не носила классового характера. Такой подход базировался на анализе археологических данных, текстов тюркских и уйгурских надписей, эпоса и на применении историко-антропологического подхода, направленного на изучение представлений общества о самом себе. Тем самым концепция «мужа-воина» С.Г. Кляшторного была примером поиска новых путей изучения кочевых обществ.

Список сокращений

БНЦ СО РАН — Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН
ГРВЛ — Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
ППиПИКНВ — Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока
ФФ СПбГУ — Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета

Литература

- Кляшторный, 1982 — *Кляшторный С.Г.* Имущественная и социальная дифференциация в древнетюркской общине // ПШИПИКНВ. М.: Наука, ГРВЛ, 1982. Вып. XVI. Ч. I. С. 92–96.
- Кляшторный, 1983 — *Кляшторный С.Г.* Социальные категории древнетюркского общества в памятниках рунической письменности Киргизии // Тезисы докладов Всесоюз. науч. конф. «Культура и искусство Киргизии». Л., 1983. Вып. 2. С. 30–31.
- Кляшторный, 1984 — *Кляшторный С.Г.* Каган, беги и народ в памятниках тюркской рунической письменности // Ученые записки ЛГУ. Т. 412. Серия востоковедческих наук. Вып. 25. Л., 1984. С. 143–153.
- Кляшторный, 1985 — *Кляшторный С.Г.* Социальная организация и духовная культура древних тюрков // Вопросы советской тюркологии. Ашхабад: Ылым, 1985. С. 287–289.
- Кляшторный, 1986а — *Кляшторный С.Г.* Основные черты социальной структуры древнетюркских государств Центральной Азии (VI–X вв.) // Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии: проблема социальной мобильности. М.: Наука, 1986. С. 217–228.
- Кляшторный, 1986б — *Кляшторный С.Г.* Формы социальной зависимости в государствах кочевников Центральной Азии (конец I тыс. до н.э. — I тыс. н.э.) // Рабство в странах Востока в средние века. М.: Наука, 1986. С. 312–339.
- Кляшторный, 2003 — *Кляшторный С.Г.* История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб.: ФФ СПбГУ, 2003. 560 с.
- Кляшторный, 2004 — *Кляшторный С.Г.* Образ кагана в орхонских памятниках // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. С. 100–103.
- Кляшторный, Савинов 2005 — *Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Степные империи древней Евразии. СПб.: ФФ СПбГУ, 2005 (1-е изд.: 1994). 346 с.
- Кляшторный, Султанов 2009 — *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб.: Петербургское востоковедение, 2009 (1-е изд.: 2000; 2-е изд.: 2004). 320 с.
- Марков, 1967 — *Марков Г.Е.* Кочевники Азии (хозяйственная и общественная структура скотоводческих народов Азии в эпохи возникновения, расцвета и заката кочевничества). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1967. 31 с.
- Масанов, 1984 — *Масанов Н.Э.* Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII–XIX вв. Алма-Ата: Наука, 1984. 176 с.
- Масанов, 1986 — *Масанов Н.Э.* Элементы структуры социальной организации кочевников Евразии // Этнические культуры Сибири. Проблемы эволюции и контактов (сборник научных трудов). Новосибирск: Наука, 1986. С. 20–26.
- Хазанов, 1975 — *Хазанов А.М.* Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М.: Наука, 1975. 334 с.
- Шер, 1966 — *Шер Я.А.* Каменные изваяния Семиречья. М.; Л.: Наука, 1966. 139 с.
- Khazanov, 1984 — *Khazanov A.M.* Nomads and the Outside World. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. XXVIII + 369 p.